

Содержание

Предисловие	
<i>Если не сейчас, то когда?</i>	7
Часть I. 58 г. до н. э. — 526 г. н. э.	
<i>Римляне создают германцев, а германцы захватывают Рим</i>	13
Часть II. 526–983 гг.	
<i>Германцы возрождают Рим</i>	39
Часть III. 983–1525 гг.	
<i>Битва за Германию</i>	59
Часть IV. 1525 г. — настоящее время	
<i>Раскол Германии</i>	87
Благодарности	255

*Посвящаю памяти моего отца, Мориса Хоуса,
и будущему моему третьему сыну,
Карла Мориса Хоуса фон Опена,
чьи жизненные пути пересеклись на несколько часов
25 февраля 2015 г.*

Предисловие

Если не сейчас, то когда?

Запад отступает по всем фронтам. Англосаксонские державы, великие и малые, грезят об утраченном величии. Популисты по всей Европе причитают, что иммиграция и глобализация — дело рук порочной Системы, которой тайно управляют хозяева, не ведающие патриотических чувств. Не веря своему счастью, «царь Владимир» наблюдает, как выстраивается его «большая игра». Страны Балтии и Вышеградской группы трепещут. Йошка Фишер, бывший министр иностранных дел Германии, практически утратил надежду.

«Европа слишком слаба и раздроблена, чтобы заменить Соединенные Штаты в стратегическом аспекте, а без руководства США Западу не выжить. Поэтому сегодня каждому ясно, что западный мир, скорее всего, погибнет у нас на глазах».

*Йошка Фишер. Конец Запада
(Das Ende des Westens). Süddeutsche Zeitung,
12 декабря 2016 г.*

Между тем New York Times задается вопросом, не станет ли Ангела Меркель, канцлер Германии, «последним защитником либерального Запада»¹.

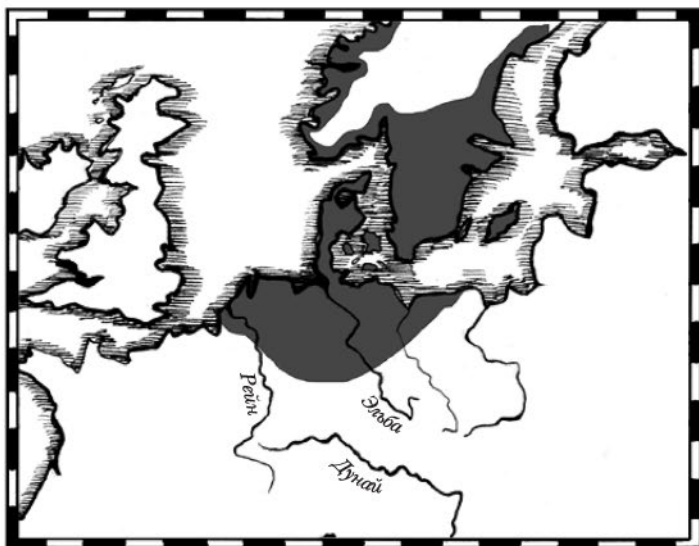
Германия? Страна, где хорошо помнят, как Адольф Гитлер пришел к власти демократическим путем (впрочем, как мы увидим далее, благодаря весьма специфической части электората), а затем, одержимый расистской идеей, развязал тотальную войну, чтобы подчинить себе мир? Способна ли Германия измениться за столь короткое время — всего за одно поколение?

Да, способна. Но чтобы понять это — а также то, почему Германия, возможно, остается нашей последней надеждой, — нам придется отбросить исторические стереотипы и начать с чистого листа. Итак, давайте посмотрим, с чего начинается ее история. А точнее, предыстория...

¹ См.: *Smale A., Erlanger S. As Obama Exits World Stage, Angela Merkel May Be the Liberal West's Last Defender // The New York Times. November 12, 2016.*

Как это начиналось

Еще в железном веке, примерно в 500 г. до н. э., жители поселений Южной Скандинавии — или самой северной части Германии — стали произносить отдельные согласные иначе, чем остальное население.

Вероятно, все началось здесь около 500 г. до н. э.

Никто не знает точно, кем были эти люди, где они обитали, когда и почему это произошло. Однако мы можем реконструировать ход событий. Возьмем вопросительные слова. Носители других языков использовали звук *c/k/qu* (как в латинских *quis, quid, quo, cur, quam*), который встречается по сей день (*quoi, que, che, kaku* и т. д.). Предки же датчан, англичан, немцев и им подобных народов на каком-то этапе переключились на звук *hv/wh/h*, сохранившийся в словах *hvad/what/was* и т. п.

Этот фонетический процесс известен как первое общегерманское передвижение согласных, или закон Гримма. Его сформулировал Якоб Гримм, старший из братьев Гримм, которые собирали немецкие народные сказки. Последствия случившегося лучше всего видны в современном английском, где германские формы соседствуют с латинизмами.

p превратилось в *f*: *paternal*–*fatherly*

f превратилось в *b*: *fraternal*–*brotherly*

b превратилось в *p*: *labia*–*lip*

c/k/qu превратилось в *hv/wh/h*: *century*–*hundred*

h превратилось в *g*: *horticulture*–*gardening*

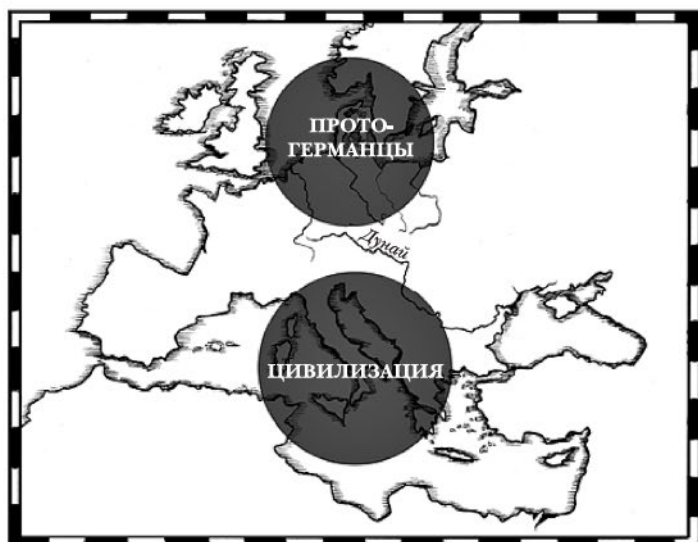
g превратилось в *k*: *gnostic*–*know*

t превратилось в *th*: *triple*–*three*

d превратилось в *t*: *dental*–*teeth*

Племена, которые — по нашим догадкам — начали использовать эти новые звуки примерно в 500 г. до н. э., называют *протогерманцами*. Мы не знаем их самона-

звания, поскольку на этом этапе они не поддерживали отношений с народами Средиземноморья, где уже существовали акведуки, библиотеки, театры, выборы и письменная история.

Известно, что примерно в 150 г. до н. э. протогерманцы начали налаживать связи со Средиземноморьем. С этого периода сосуды для вина, изготовленные римлянами, стали использовать по всей территории Германии. Римляне познакомили протогерманцев и с шопингом — слово, обозначающее покупку вещей (*каупа/копен/shopping/kaufen* и т. д.), заимствовано из латинского языка, *сауро* по-латыни — *мелкий торговец* или *трактирщик*. Возможно, первые контакты происходили в торговых точках на Рейне или Дунае, где протогерманская элита обменивала на алкогольные напитки меха, янтарь, светлые волосы (их высоко ценили римские постижеры) и в первую очередь рабов.

ДЖЕЙМС ХОУС

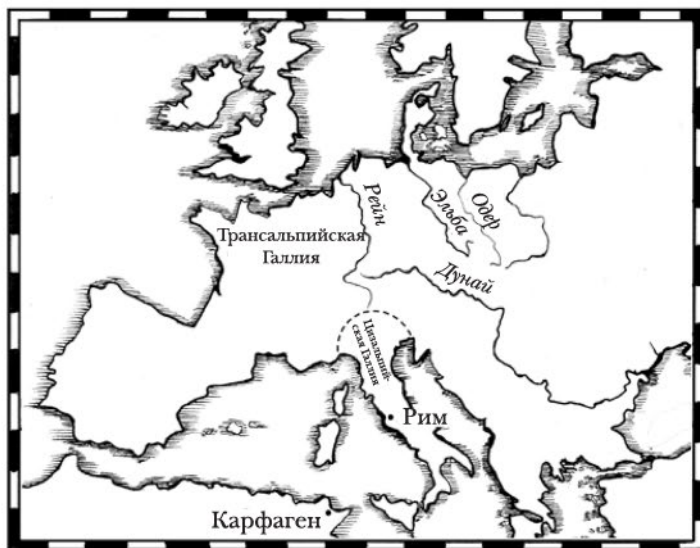
Торговля шла своим чередом, пока римлянам не начали угрожать племена с севера — кимвры и тевтоны. Впрочем, это продолжалось недолго — со 112 до 101 г. до н. э., когда их разгромил великий римский полководец Гай Марий. Позднее патриоты провозгласили эти племена первыми германцами, но для римлян они были обычными варварами. И конечно, в то время никто не называл их *германцами*. Насколько нам известно, слово *германцы* возникло лишь в 58 г. до н. э. Как и подобает, предание начинается с появления одного из самых знаменитых людей в истории.

ЧАСТЬ I

58 г. до н. э. — 526 г. н. э.

*Римляне создают германцев,
а германцы захватывают Рим*

Цезарь изобретает германцев

Рим и Галлия до Цезаря

В марте 60 г. до н. э., как писал философ, политик и оратор Цицерон, в Риме только и говорили, что об угрозе со стороны варваров, рыщущих в поисках убежища. Из-за беспорядков и войн на севере они постепенно наводняли

уже романизированные территории Цизальпийской Галлии — нынешнюю Северную Италию. В еще непокоренной Трансальпийской Галлии, судя по всему, активизировались новые смутные силы. В 58 г. до н. э. новый правитель Цизальпийской Галлии Юлий Цезарь, готовясь к войне, которая должна была упрочить его репутацию и избавить от долгов, нарек их *германцами*.

В самом начале «Записок о Галльской войне» Цезарь дает *германцам* четкое определение: они *живут за Рейном*. Он заполняет карту, которая для его читателей была таким же белым пятном, как Центральная Африка — для аудитории Генри Мортон Стэнли, и тут же излагает свою главную идею. Рим и Галлия имеют много общего, как с материальной, так и с культурной точки зрения, но за Рейном живет совершенно иной народ. Он вновь и вновь возвращается к этой мысли на страницах «Записок о Галльской войне».

Вскоре Цезарь увидел, что дела и впрямь идут скверно. Галльские племена подкупом склонили на свою сторону 15 000 германских воинов, чтобы те помогли им освободиться из-под власти эдуев. Но, одержав победу над эдуями, вождь германцев Ариовист вызвал подкрепление из-за Рейна и фактически стал правителем всех галльских территорий, где еще не успел закрепиться Рим. Число германцев в Галлии выросло уже до 120 000, и было понятно: если так пойдет и дальше, они начнут вытеснять местных жителей, которым придется искать новое пристанище.

Будучи патриотом, Цезарь сразу почувал опасность. Цизальпийскую Галлию, ставшую римской провинцией, — а то и сам Рим, — могла захлестнуть волна варваров-мигрантов. Воодушевляя оробевших легионеров зажигательными речами и суля им награды и повышения, Цезарь ведет их за собой, стараясь избегать узких дорог и лесов. В 58 г. до н. э. он вступает в бой с войсками Ариовиста и одерживает победу. Это сражение было названо битвой при Вогезах.

Беспорядочное отступление германцев, как водится, превращается в кровавую бойню. Уцелевшие пытаются спастись бегством, перебравшись через реку, однако Цезарь не желает, чтобы враг ушел живым. Убии, германское племя, которое поддерживало союзнические отношения с Римом, предлагают организовать судовую переправу. Но Цезарь считает, что это небезопасно (и не в духе римлян), и приказывает построить стационарный мост. Легионеры справляются с задачей в рекордные сроки — за десять дней.

Но, хотя военная мощь Рима и вызывает трепет, дело решают наземные операции. Германцы знают эти земли как свои пять пальцев. Они уходят в леса, и Цезарь понимает, что они хотят сконцентрировать силы и дожидаться атаки римлян. Поскольку уже совершенных подвигов достаточно, чтобы не посрамить воинскую честь и сохранить лицо, он возвращается в Галлию, не забыв разрушить за своей спиной только что наведенный мост.

До конца Гальской войны германцы остаются потенциальными союзниками всякого, кто захочет устроить мятеж на территории Галлии. Решить эту проблему можно лишь одним способом: обрушить на них всю боевую мощь Рима. Поэтому, когда в 55 г. до н. э. германцы предприняли попытку массового переселения из-за Рейна, Цезарь идет на них войной.

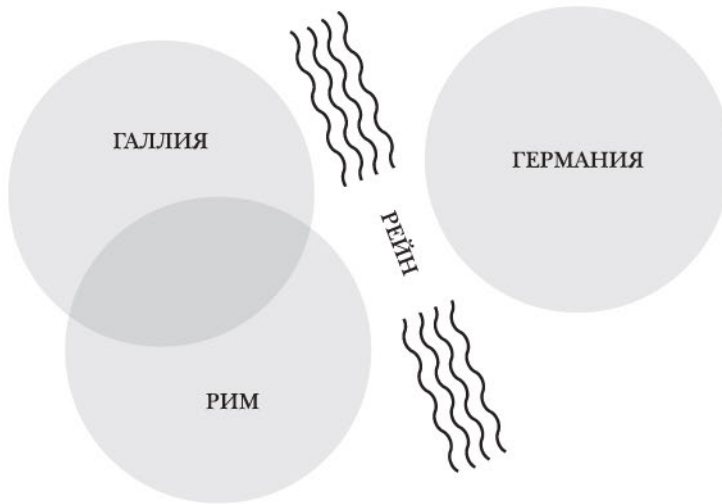
Цезарь гордится, что его войска вернулись без потерь, — после того как ему удалось запереть в дельте Рейна и Мааса 430 000 человек и истребить их всех до единого. Даже по римским меркам это была не война, а кровавая бойня. Великий оратор Марк Порций Катон Младший публично потребовал отдать Цезаря в руки германцев, чтобы те могли покарать его за содеянное. Но в «Записках» Цезарь уверяет читателей, что его жестокость оправданна: когда мятежные галлы вновь попытались подкупить германцев, те ответили, что боятся повторения кровопролития.

Что же представляли собой эти новоявленные варвары на самом деле? Как и подобает, Цезарь прерывает свое повествование в самый драматический момент—он во второй раз занимает плацдарм за Рейном в 53 г. до н. э.,—чтобы дать первое в истории описание германцев.

Ни настоящих богов, ни жрецов, ни собственности, ни социального устройства, ни полей, засеянных зерном, ни умения измерять расстояния, лишь дремучие леса, что кишат дикими зверями, и бесконечная межплеменная вражда—и впрямь варварство, которое не оставляет Риму шансов на установление своей власти и получение прибыли.

Но это не антропология. Это политика. Главное—показать контраст между левым берегом Рейна, где правит Цезарь, и правым, куда он дважды вторгнулся без особых успехов. На этой стороне живут галлы: они возделывают плодородные поля, поклоняются правильным богам, которых можно без труда обнаружить в греко-римском пантеоне, у них есть элементарные законы, примитивные выборы и подобие общественного устройства, а их друиды даже умеют писать по-гречески, а значит, не чужды прогресса. Цезарь завоевал для своего народа страну, идеально подходящую для романизации—и сбора налогов. Однако по другую сторону Рейна обосновались германцы.

Понятно, что река не может полностью разграничить две культуры. Цезарь пишет, что на правой, дальней, стороне Рейна есть как минимум одно племя, которое совсем недавно покинуло Галлию. И наоборот, белги, с недавних пор живущие на левом, ближнем, берегу, отделились от основной массы германцев. Убии, что обитают на германском берегу,—верные союзники Рима, тогда как на галльской стороне есть враждебные племена явно германского происхождения. Во время Галльской войны люди перебирались через Рейн, чтобы нападать, чтобы объединяться,

Галлия и Германия по Цезарю

чтобы спастись бегством или чтобы переселиться на новое место жительства. Сам Цезарь в качестве личной охраны использовал германскую конницу.

Жизнь на берегах Рейна в 58–53 гг. до н. э. чем-то напоминает нынешнюю Сирию—та же нестабильность, межплеменные стычки и кровопролитие. Есть ли при этом какие-то победные вести? Цезарь заявляет, что он установил естественную границу для римского правления. Рейн становится подобием «линии на песке», которая была прочерчена по соглашению Сайкса—Пико после Первой мировой войны и разделила сферы влияния Великобритании и Франции на Ближнем Востоке. Люди за Рейном объявлены закоренелыми варварами, а их земли—непроходимой глушью. Хуже того, они всей душой ненавидят Рим и никогда не откажутся помочь его врагам. Отныне миссия Рима очевидна: не сводить глаз с Рейна и жестоко карать тех, кто попытается его пересечь.

Так Юлий Цезарь изобрел германцев.

Германцы Цезаря

«Нравы германцев во многом отличаются от галльских нравов: у них нет друидов для заведования богослужением, и они мало придают значения жертвоприношениям. Они веруют только в таких богов, которых они видят и которые им явно помогают, именно — в солнце, Вулкана и луну; об остальных богах они не знают и по слуху. Вся жизнь их проходит в охоте и в военных занятиях... Оба пола вместе купаются в реках и одеваются в шкуры или небольшие меха, которые оставляют значительную часть тела голой. Земледелием они занимаются мало; их пища состоит главным образом из молока, сыра и мяса. Ни у кого из них нет определенных земельных участков и вообще земельной собственности... Истинная доблесть в глазах германцев в том и состоит, чтобы соседи, изгнанные из своих земель, уходили дальше и чтобы никто не осмеливался селиться поблизости от них... Разбои вне пределов собственной страны у них не считаются позорными... Оскорбить гостя германцы считают грехом и, кто бы и по какому бы делу к ним ни пришел, ограждают его от обид, признают его неприкосновенным, для него открыты все дома, и с ним все делятся пищей... Упомянутый Геркинский лес тянется в ширину на девять дней пути для хорошего пешехода; иначе определить его размеры невозможно, так как германцы не знают мер протяжения... В нем водится много пород животных, невиданных в других местах».

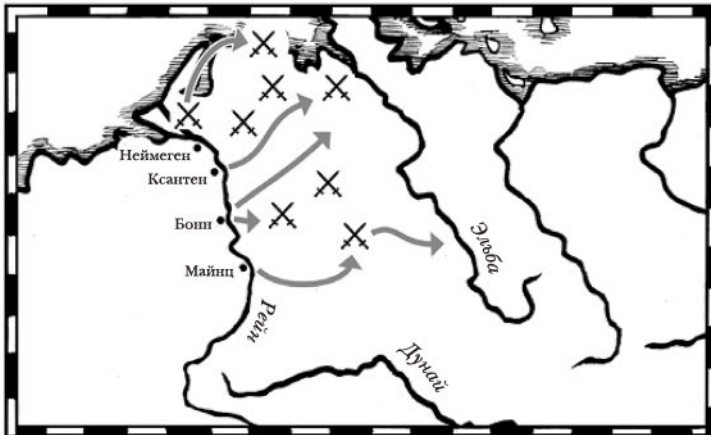
Записки о Галльской войне. Кн. VI. 22–28¹

¹ Цит. по: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Пер. и комм. М. М. Покровского. Репринт издания 1948 г. М.: Наука, 1993.

Германия фактически становится римской

После убийства Цезаря Римская республика, раздираемая междоусобной борьбой, становится империей и продолжает прежний курс в отношении Рейна: галлы, способные приобщиться к цивилизации,—здесь, германцы—по ту сторону. Разумеется, Рим не гнушается использовать варваров в своих интересах. В личной охране первого императора Октавиана Августа—как и у Цезаря—служили германцы из земель Северного Рейна. Такие же телохранители были и у Ирода Великого, римского прокуратора Иудеи. Однако в 17 г. до н. э. германцы переправились через Рейн, вторглись в Галлию, разгромили V легион, захватили его штандарт—эмблему в виде орла—и с победой вернулись в родные края. Новоиспеченная Римская империя не могла допустить такого глумления над своими символами и начала готовиться к масштабному наступлению, чтобы завоевать Германию.

Возглавить войска поручили Друзу, младшему пасынку Октавиана Августа. Вдоль Рейна были построены укрепления, на месте которых позднее возникли города Бонн,

Майнц, Неймеген и Ксантен. С этих позиций Друз выдвинул легионы и флот и в 12–9 гг. до н. э. одержал серию побед в Северо-Западной Германии.

В 9 г. до н. э. Друз достиг Эльбы. Там, как рассказывают Дион Кассий и Светоний, ему привиделась женщина исполинского роста, которая увещевала полководца отказаться от завоевательных планов и вернуться домой, ибо дни его сочтены.

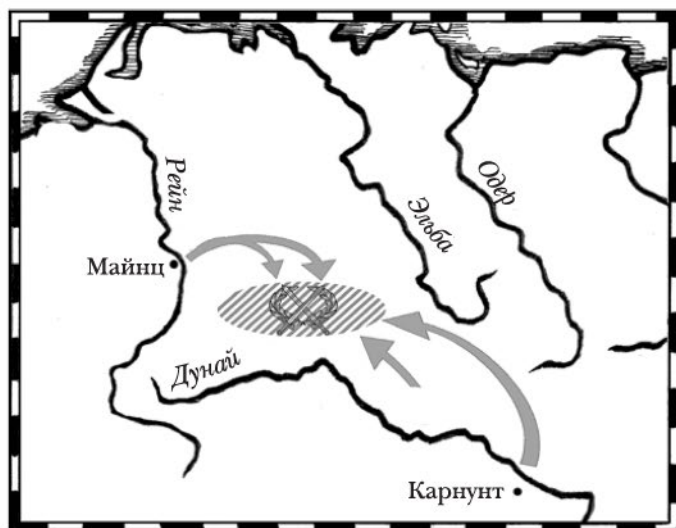

Друз выходит к Эльбе. Эдуард Бендеман. Ксилография

Настал переломный момент в истории Германии и Европы. Остановка на Эльбе — не обычное военно-политическое решение. Оно продиктовано высшими силами. Можно перебраться через Рейн, но не следует посягать на земли за Эльбой.

В 6 г. н. э. римляне решили, что пора окончательно покорить германцев, живущих между Дунаем, Рейном и Эльбой. Это была величайшая военная кампания, ор-

ганизованная Римом: двенадцать легионов—около 40 % совокупной мощи империи—должны были окружить последние непокорные племена, взяв их в клещи со стороны Рейна на западе и Дуная на юге.

Грандиозный план Римской империи, 6 г. н. э.

За несколько дней до начала наступления вспомогательный легион на территории нынешней Боснии взбунтовался, и на Балканах вспыхнуло Великое Иллирийское восстание. Многочисленные армии на Рейне и Дунае были поспешно перемещены на юг.

Однако, несмотря на неудавшуюся военную кампанию, романизация Германии продолжалась полным ходом. Дион Кассий писал: «Начинают создаваться города. Варвары привыкают торговать на рынках и устраивают мирные собрания». Эти картины напоминают идиллические мечты Дика Чейни об Ираке после операции «Буря в пустыне» и обычно воспринимаются как преувеличение. Од-

нако недавно археологи нашли доказательства того, что римляне в самом деле выстраивали Германию. Недалеко от местечка Вальдгирмес, примерно в ста километрах к востоку от Рейна, был обнаружен целый город—с военными и гражданскими строениями, улицами, рынком и форумом. Там же найдены монеты времен римского завоевания, отчеканенные в 5–9 гг. н. э.

Десятки лет немецким школьникам твердили, что 9 г. — самая важная веха в истории Германии.

Арминий и после него

Подобно британцам в Индии, римляне обнаружили в Германии лоскутное одеяло из мини-государств, воюющих между собой, и для собственного удобства ввели в оборот представление о единой нации. Так же как и британцы, они создали для этой вымышленной страны прослойку полувиллизованных лидеров, от которых ожидали лояльности.

В 9 г. Публий Квинтилий Вар, пропретор Германии, провел лето в глубинке: он занимался сбором налогов на вверенных ему территориях—как выяснилось позднее, не гнушаясь произвола и насилия. Возвращаясь в свой зимний лагерь на Рейне, он совершил ошибку—доверился своему собутыльнику Арминию (латинский вариант имени Герман), вождю германского племени херусков, который некогда учился в Риме. Арминий сказал, что неподалеку начались беспорядки и римлянам следует заглянуть туда, чтобы напомнить о себе. Хотя даже тесть Арминия предупреждал, что не стоит доверять его зятю, Вар последовал совету и, не ожидая серьезного сопротивления, повел легионы на подавление восстания. Уверенный в победе, он даже не выстроил свои силы боевым порядком. Римляне направились напрямком в лесную чащу и топи, которых всячески избегал Цезарь пятьюдесятью годами ранее. В итоге они попали в ловушку

и были разбиты наголову в сражении, которое получило название битвы в Тевтобургском лесу, — расправа была такой жестокой, что заставила бы содрогнуться даже нынешних кинозрителей. Благодаря находкам английского археолога-любителя майора Тони Кланна историки определили точное место боя — местечко Калькризе в Нижней Саксонии.

Маска римского всадника, найденная в Калькризе

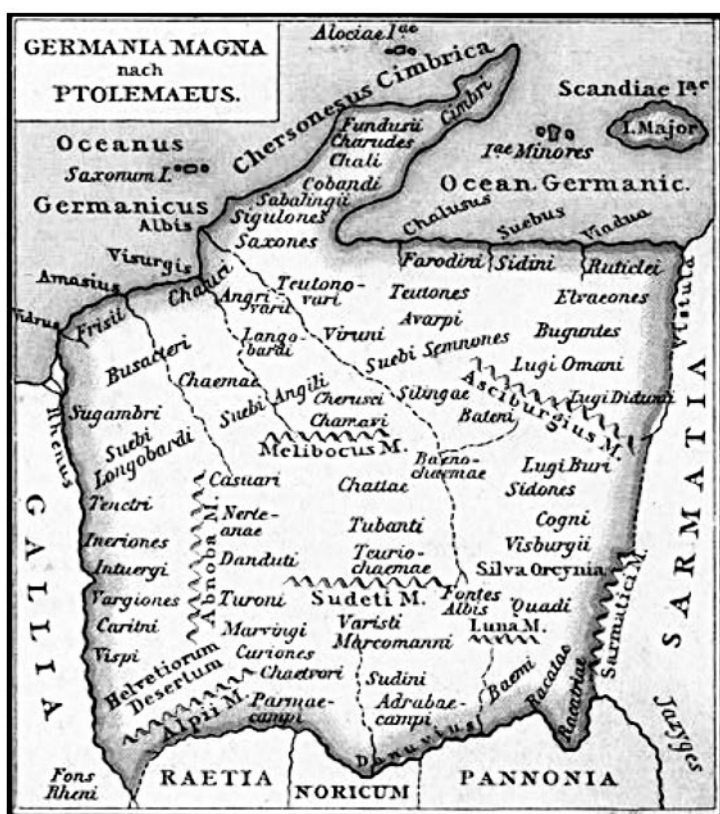
Как следствие, почти все опорные пункты Рима к востоку от Рейна вскоре подверглись разрушению. Это было сокрушительное поражение, но римляне не перестали строить планы завоевания Германии. В 14–16 гг. сын Друза Германик взял реванш, опустошив германские земли. Ему удалось разбить Арминия и его союзников на берегах реки Везер. По преданию, накануне боя Арминий и его брат Флав, сохранивший верность Риму, обменялись язвительными репликами на латыни. Германик, подобно шекспировскому Генриху V, подтянул войска тайно, под покровом ночи. К утру германцы были уничтожены. Как пишет Тацит, «на протяжении десяти тысяч шагов все было усеяно их трупами и оружием»¹. Вскоре после этого Арминия/Германа, первого национального героя Германии, при невыясненных обстоятельствах убил один из его приближенных.

Рейнланд вновь стал безопасным. Римская армия, подобно любой другой, предпочитала городским юнцам крутых парней из захолустья и охотно вербовала германцев

¹ Тацит Корнелий. *Анналы*. Перевод А. С. Бобовича.

на службу. В период римского завоевания Британии подразделения германцев, облаченных в доспехи, переплыли Темзу, чтобы одержать победу в судьбоносной битве на реке Медузэй. В личной гвардии императора было так много германцев, что граждане Рима называли ее *cohors Germanorum*— «германская когорта». Поставка солдат Риму стала основой экономики Рейнланда.

Для Рима наступили блаженные времена—почти сто лет мира, стабильности и процветания под властью «пяти хороших императоров»—Нервы, Траяна, Адриана, Ан-

Великая Германия Птолемея

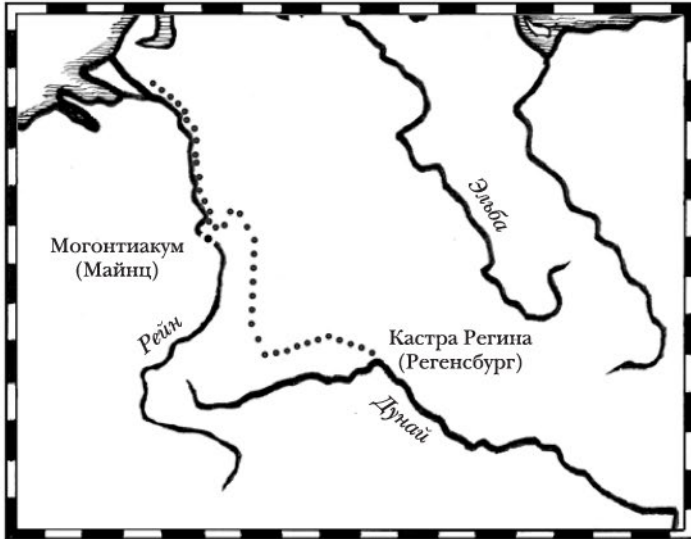
тонина Пия и Марка Аврелия. Римская империя продвигалась вперед по всем фронтам, в том числе в Германии. Лишь недавно стало известно, как далеко она зашла. Примерно в 20 г. древнегреческий историк и географ Страбон писал: «Римляне пока не добрались до земель за Альбисом [Эльбой]». Но уже в 150 г. Птолемей, великий ученый из Александрии, изобразил Великую Германию — *Germania Magna* — куда более обширной.

До последнего времени считалось, что карта Птолемея в основном чистая выдумка. Однако в 2010 г. группа ученых из Берлинского технического университета проанализировала одну из недавно обнаруженных версий этой карты современными методами и пришла к выводу, что она гораздо точнее, чем полагали ранее. Едва ли ее мог составить человек, который сидел в библиотеке на североафриканском побережье, не имея доступа к данным военной топографии. По мнению исследователей, в начале II в. римская армия досконально изучила земли на востоке — до Вислы на территории нынешней Польши.

Великая римская стена

Хотя римляне хорошо изучили земли германцев, они так и не сумели завоевать их полностью. На самом деле судьба этих территорий во многом определялась границами распространения власти Рима. А на этот счет у нас нет сомнений, ибо следы пребывания римлян сохранила почва.

Трудно назвать точные даты, но не позднее 100 г. римляне окончательно подчинили себе юго-западную часть Германии. Примерно в 160 г. они закрепили свои завоевания, возведя вдоль границ цепь фортов и укреплений, известную под названием *limes Germanicus* — Верхнегерманско-ретийский лимес. Эта линия шла вдоль Рейна, затем поворачивала на восток, тянулась вдоль берегов Майна

(по сей день считается, что именно лимес делит Германию на Северную и Южную), а оттуда—на юго-восток до нынешнего Регенсбурга.

Эта линия укреплений стала Великой европейской стеной: более 550 километров оборонительных сооружений со сторожевыми башнями, многие из которых частично сохранились. Долгие годы историки по непонятным причинам игнорировали лимес, но в последние десять лет ему наконец стали уделять должное внимание. До самого конца этой книги следует помнить, как велика была та часть Германии, которой управляли римляне.

Если наложить линию лимеса на карту современной Германии, она охватывает Кельн, Бонн, Майнц, Франкфурт, Штутгарт, Мюнхен и австрийскую Вену. Города к востоку от лимеса, такие как Дуйсбург, были форпостами римлян. Иными словами, все крупные города нынешней Австрии и Западной Германии, кроме Гамбурга, выросли на территории Римской империи или под ее бдительным оком.

Благородные дикари

Самый известный римский источник, посвященный древним германцам, — это сочинение Публия Корнелия Тацита «Германия» (ок. 103 г.). Подобно Цезарю, Тацит считает германцев полной противоположностью римлянам. Впрочем, он не видит в этом ничего дурного, поскольку убежден, что его развращенные роскошью соотечественники вырождаются, погрязнув в пороках и раболепствуя перед императорами. Пусть германцы — варвары, но это благородные создания, не испорченные «соблазнами зрелищ и пиров».

Позднее патриоты будут ссылаться на труд Тацита, доказывая, что германцы никогда не подвергались романизации. Но на самом деле автор преследовал совершенно иные цели. Для римлян, как и для более поздних носителей имперских взглядов, не было ничего приятнее, чем читать истории о благородных дикарях — особенно когда они повержены. Если завоевать их было нелегко, это лишний раз подтверждает их благородство. В 1745 г. вся Англия с ужасом ждала вторжения шотландских горцев. Никому не приходило в голову идеализировать их. Но, как только они были разбиты в сражении при Каллодене, британская армия тут же начала использовать их как ударные части, а английская публика полюбила рассказы об их природной храбрости и неиспорченной натуре. То же самое можно сказать о римлянах и германцах в 100 г. Последнее серьезное восстание в Германии вспыхнуло в 69–70 гг., и это произошло лишь потому, что отборные римские подразделения, состоящие из германцев, были возмущены решением императора расформировать свою личную охрану, *cohors Germanorum*. Читая Тацита, римские граждане могли спокойно наслаждаться историями про собственных благородных дикарей.

Хорошо известно высказывание Тацита о чистоте крови германцев, которые не вступают в смешанные браки с соседними народами и имеют характерный облик: голубые глаза, рыжие или русые волосы, рослые тела. Реже вспоминают другое его наблюдение: изначально Германия была ограничена на севере океаном, на западе — Рейном, на юге — Дунаем, но ее и малоизвестные племена, которые жили на востоке, разделял лишь обоюдный страх. Тацит нажал на великий рычаг немецкой истории: было непонятно, где заканчивается территория Германии на востоке.

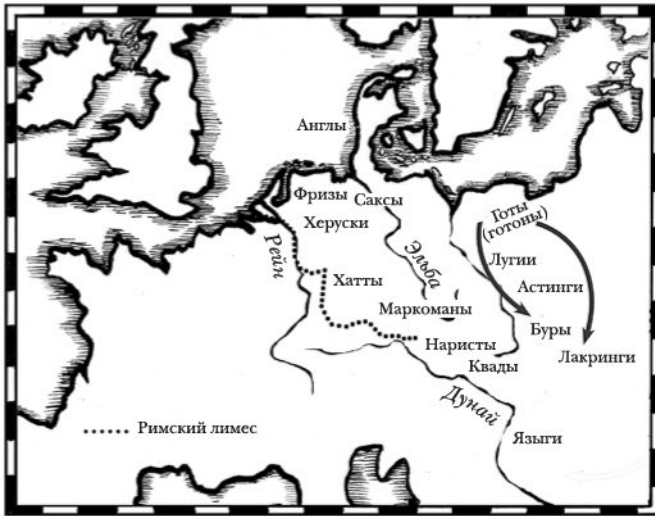
Мы еще вернемся к Тациту, которого откроют заново в XV столетии. А пока важно то, что Рим, несмотря на поражение в Тевтобургском лесу, продолжал контролировать самые богатые и плодородные земли Германии.

Начало конца

Римские войска, вернувшиеся с войны на Востоке, привезли с собой страшный сувенир. «Чума Антонина» — вероятно, пандемия оспы — бушевала в Западной Европе в 165–180 гг. Тем временем германцы на берегах Дуная страдали от набегов более воинственных германских племен — готов, которые постепенно продвигались к югу и начали вторгаться в пределы Римской империи.

Последний из «пяти хороших императоров», Марк Аврелий, был вынужден выдержать «восемь зимних кампаний на холодных берегах Дуная, и суровость тамошнего климата, подорвавшая хрупкое здоровье императора, в конце концов погубила его» (Э. Гиббон)¹. Ему пришлось иметь дело не с единым врагом, а с пестрым смешением

¹ Цит. по: Гиббон Э. Упадок и разрушение Римской империи (сокращенный вариант). М.: Центрполиграф, 2005.

Римский лимес и германские племена, 160 г.

множества народов, и слово «германцы» по-прежнему оставалось собирательным термином для разных племен.

Стараясь держать ситуацию под контролем, Марк Аврелий действовал то силой, то хитростью, делая соблазнительные предложения. Часть покоренных германских племен получила статус федератов (*foederati*), союзников Рима, которые несли службу на границе империи в обмен на жалованье и земли. При этом Рим не упускал случая продемонстрировать свою военную мощь.

Такая тактика Марка Аврелия приносила плоды, хотя она же его и погубила. Но в III в. Рим начинает воевать с государством Сасанидов за несметные богатства Ближнего Востока. Поскольку войска пришлось перебросить на другое направление, контролировать границу с Германией становилось все труднее.

В 235 г. римские войска на Рейне взбунтовались и провозгласили «солдатского» императора — им стал грозный великан Максимин Фракиец, сын гота. Наполовину германец, он

«Одни из варваров обещали стать союзниками, как те, чье посольство возглавлял Баттарий, двенадцатилетний мальчик, и которые получили деньги. Другие, подобно квадам, просили о мире и получили его. Однако права посещать рынки они не получили из опасения, что маркоманы и языги смешаются с ними и станут разведывать расположение римских сил и закупать припасы... Астинги и лакринги пришли за помощью к Марку в надежде получить деньги и земли за союз с римлянами. Лакринги напали на астингов и одержали решительную победу. В результате астинги больше не предпринимали враждебных действий против римлян...»¹ и т. д.

Дион Кассий. Римская история. LXXII

был первым императором, не обученным грамоте (Г.Б. Нибур). Появление Максимиана стало для Рима началом конца. С его правлением в стране наступил период, названный кризисом III в.—за 49 лет сменилось около двадцати императоров. В 284 г. земли за Рейном и Дунаем были потеряны, и Риму пришлось возводить новый лимес вдоль их берегов, что потребовало огромных затрат. Эти укрепления продержались еще сто лет, но германцы «сорвали завесу мнимого величия Италии» (Э. Гиббон). В дальнейшем Рим перешел к обороне, а оборонительные войны—это путь в никуда.

Свет или тьма?

Мы привыкли представлять Рим цивилизованным обществом, которое деградировало под натиском варваров-германцев, и считаем печальным итогом этих событий

¹ Цит. по: *Кассий Дион Коккейан. Римская история. Кн. LXIV–LXXX / Пер. с др.-греч. под ред. А. В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2011.*